ЮЛЯ АРТЁМОВА

Я ИМЕЮ ПРЕВОЛЮЦИЯ

КНИГА СОДЕРЖИТ ОБСЦЕННУЮ ЛЕКСИКУ

ПОПЛЯЙУМБОПУМ

Юля Артёмова

Я И ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Повесть

ВРЕМЯ

Информация от издательства

18+

Художественное электронное издание
Издание осуществлено в рамках издательской инициативы «Пфляумбаум»

пфляумбаум

Артёмова, Ю.
Я и есть революция : повесть / Юля Артёмова. — М. : Время, 2022.

ISBN 978-5-9691-2218-5

Это очень искренняя, очень женская и очень по-хорошему злая история: про революцию и любовь, про братство и сестринство, про распадающиеся иллюзии и взросление как выбор.

© Артёмова Ю., 2022
© «Время», 2022

Часть 1. ЗАДАНИЕ

В общем, задание было таким: нужно внедриться (Чащин так и сказал) в совершенно незнакомую среду и снять историю. Это вроде как бросаешь человека, не умеющего плавать, в реку, и он либо тонет, либо выплывает. Только вы сами выбираете воду себе по силам, глубине и лихости течения, и прыгать в неё тоже будете сами, никто вас в спину толкать не будет, не маленькие уже.

— У меня, знаете, был один такой пару лет назад, он тоже снимал, а потом снюхался с торчками и стал по вене пускать, пропал совсем парень, Лёша Введенский, может, знаете такого, нет? Ну, не знаете и не знаете. Жалко хлопца, но первые снимки, которые он оттуда принёс, были очень сильные, мальчик-то талантливый был… Был да сплыл. Я это к чему, дети мои? Думайте головой, соизмеряйте риски, но не особенно себя жалейте, на жалости к себе хороший материал не сделаешь, поверьте моему опыту. Так что не ссыте в компот. Ну и помните, в какой стране мы живём.

— А можно снимать не здесь — в другой стране? — спрашивает Харченко.

— Можно. Всё можно. Весь мир ваш дом.

Это всё пиздёж для красного словца, Чащин жалует красное словцо и красное винцо.

Мой дом сегодня недалеко от ВДНХ, оранжевая ветка метро, изолированная комната площадью четырнадцать квадратных метров за двенадцать тысяч в месяц, санузел совмещённый, снимаю напополам с одной девкой из Воронежа, тихая, скучная, долго в ванной не засиживается, посуду в раковине не оставляет — словом, соседка что надо. А Харченко — с ним тоже всё понятно. Харченко не снимает бабушатник — Харченко поедет снимать на Донбасс, на днях что-то такое сказал за обедом. Харченко не ссыт в целом и в компот в частности.

Тем более что компот в нашем буфете действительно вкусный, а вот котлеты — та ещё хлебная дрянь.

— А был у меня ещё один, делал историю про мигрантов из Средней Азии — гастарбайтеров значит, и так втянулся, что потом в активизм ушёл, всё что-то помогал им с документами, жильём, какие-то деньги собирал. Тоже, конечно, его дело, но, сами понимаете, активизм с документалистикой несовместим. Ты либо работаешь в кадре, либо работаешь за кадром. Ну, это, я думаю, всем понятно. Лучшие проекты будем пристраивать в журналы, может быть, даже на World Press Photo, чем чёрт не шутит. Так что никакой халтуры, друзья, это в ваших же интересах. Всем удачи, на сегодня всё!

По аудитории волной поднимается и идёт радостный галдёж, он с головой накрывает меня. И я психую, паникую, теряюсь, смахиваю в сумку телефон, блокнот, ручку — весь свой хлам. Я второй месяц в Москве, мне двадцать три, и в этом городе я почти никого не знаю. И что снимать — тоже не знаю. Выручает Митяй. Приезжай, говорит, завтра к шести часам на Белорусский вокзал, я тебя кое с кем познакомлю.

Я только со съёмок, ничего интересного, опять ультрамодный шмот для каталога, но деньги мне очень нужны. Немного опаздываю, за спиной рюкзак с фототехникой, из-за него я квадратная и двигаться через толпу неудобно. Пока шла от метро, сразу выцепила взглядом его, ещё до того как увидела, что он с Митяем. Высокий, несбыточной красоты, светлые вьющиеся волосы, полуулыбка, как ангелочков рисовали на старинных открытках, вот такой вот мальчик, в раздолбанных, конечно же, ботинках. И Митяй рядом с ним, смешной и нелепый, как пенёк, суетится и машет мне рукой. Подхожу с самым невозмутимым видом.

— А, вот и ты! — приветствует меня Митя. — Знакомься, это Костя, он у мамы анархист, поэт, активист, ну и — кто ты там ещё? — это он уже Косте, резво колет его острым локтем в бок.

— Тебе ведь что-то такое надо было, да, Дашунь? — это снова мне.

Мы же с Костей стоим молча и улыбаемся, не столько друг другу, сколько вообще.

— Ну, Костя, скажи что-нибудь, — продолжает Митяй. Митяем движет удивительная сила быть полезным, нужным и в конечном счёте незаменимым для каждого, с кем он пересекается больше чем на полчаса.

— Привет, — говорит Костя и протягивает мне руку.

Я слегка касаюсь его ладони, пальцы у него холодные, может быть, потому, что сегодня ноябрь, а может быть, потому, что, как говорила моя мама, «холодные руки — горячее сердце».

— Привет, — тихо отвечаю я, строю из себя скромницу, а сама представляю, как беру пальцами золотую пружину его волос, оттягиваю, а потом отпускаю, и она звонко подскакивает вверх, прямо к его лицу, и щекочет лоб, и он смеётся, и я смеюсь.

— Если хочешь, пойдём ко мне — тут недалеко, — предлагает Костя. — Там всё и обсудим.

Я киваю и украдкой улыбаюсь себе в плечо.

— Ну ладно, вижу, вы тут сами без меня разберётесь, а мне пора! — Митяй слегка хлопает по плечу Костю и отваливается в толпу, которая уносит его прямо в метро.

Мы идём молча, я смотрю себе под ноги, иногда украдкой поглядываю на Костю. Сердце моё взволнованно бьётся: вот он совсем рядом, всё, что я знаю о нём, — его имя и цвет глаз, но от его присутствия мне делается тепло и сладко, как будто нет этого ноября, этой облезлой Москвы, этих пошарпанных дворов, где голуби клюют чью-то засохшую блевоту.

Костя действительно живёт совсем рядом — перешли дорогу, немного углубились во дворы, и вот нужный нам подъезд, нужный нам этаж, нужная нам дверь и тёплые сухие внутренности его квартиры.

Костя даром что живёт в самом центре, на кухне под потолком голая жёлтая потная лампочка, из мебели только холодильник, плита да старый скособоченный фанерный шкафчик для посуды, а из еды — пачка дешёвых макарон и какие-то опилки вместо чая. По одной щепотке этих опилок отправляется по чашкам: одна для меня, пузатая, красная,

другая для Кости — с отбитой ручкой и трещиной, очень гостеприимно с его стороны.

Через полчаса приходит Фил («Даша, знакомься, это Фил»), здоровается кивком головы и молча копошится в холодильнике. Вид у него неприветливый, недобрый, лысая крепкая голова, злой нервный взгляд, сильные руки, покрытые татуировками, на локте паутинка — уже потом мне объяснили, что это значит.

— Фил — мой старый друг, он тоже здесь живёт, это длинная история, — объясняет Костя, ничего на самом деле не объясняя. Таких длинных историй будет ещё очень много между нами, но сегодня только эта, и я молча допиваю свой чай.

Так я стала ездить к Косте почти каждый день в перерывах между работой, перевела на него катушек десять плёнки, Чащин бы оценил мою жертву: плёнка не достаётся мне даром, я лимита, ничто не достаётся мне даром, особенно в этом городе, но видели бы вы этого Костю, на него никаких плёнок не жалко.

— О, вот эта точно будет отличной, поставишь на аву «ВКонтакте», — неловко шучу.

— Меня нет в соцсетях. Только в фейсбуке, и то не под своим именем, — ледяным невозмутимым голосом отвечает Костя.

— Это твоя принципиальная позиция?

— Принципиальная.

Он наклоняет голову набок, как кошка, которой что-то от тебя нужно. Косте, разумеется, ничего от меня не нужно, это такая неловкая игра, которая установилась между нами с первых же дней. Или же, наоборот, игра очень ловкая и тонкая, словно стенки мыльного пузыря. В любом случае из этого точно получится отличный кадр.

Иногда по вечерам пересекаюсь с Филом, он почти не говорит со мной, а когда коммуникации всё же не избежать, просто зло сплёвывает слова через губу. Мы встречаемся с ним в тёмных коридорах, к счастью, довольно широких, чтобы можно было разминуться. Иногда мне хочется, чтобы Фил попал в кадр как часть всей этой жизни, обстановки, ну и просто он яркий, злой, все его татуировки, шмотки, бульдожий взгляд,

молодое звериное тело, мощное, сильное, означающее лишь одно: тебе пиздец.

И мне правда пиздец. Но однажды я набираюсь вина, я набираюсь смелости, я набираю воздух в лёгкие.

— Фил, посмотри на меня, — прошу я его и навожу объектив.

И он молча размазывает меня взглядом по стенке — вверх-вниз, вверх-вниз, — как будто мажет талое масло на кусок хлеба.